

Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья

Одной из самых трагических страниц в истории поволжской деревни явился голод 1932—1933 годов. Долгое время эта тема была запретной для исследователей. Когда запреты были сняты, появились первые публикации, касающиеся этой темы [1]. Однако до сих пор не использовались для ее раскрытия нетрадиционные для историков источники. Это хранящиеся в архивах ЗАГС Саратовского и Пензенского облисполкомов и 31 архиве ЗАГС райисполкомов указанных областей книги записей актов гражданского состояния о смерти, рождении и браке за период с 1927 по 1940 г. по 582 сельским Советам. Кроме того, в 46 деревнях 28 сельских районов Саратовской и Пензенской областей был проведен с использованием специально составленной анкеты «Свидетель голода 1932—1933 годов в деревне Поволжья» опрос испытавших на себе все его тяготы и невзгоды. Она содержит три группы вопросов: причины голода, жизнь деревни во время голода, последствия голода. Всего получено и обработано 277 анкет.

Районы Саратовской и Пензенской областей занимают примерно треть Поволжья. В начале 30-х годов их территория была разделена между Нижне-Волжским и Средне-Волжским краями; на значительной части современной территории Саратовской области располагались кантоны Автономной республики Немцев Поволжья (НП АССР). Специализировавшаяся на производстве зерна и являвшаяся одним из наиболее плодородных регионов страны, эта часть Поволжья в 1932—1933 гг. оказалась во власти голода. Смертность на территории всех исследованных сельских Советов в 1933 г. по сравнению с ближайшими предыдущими и последующими годами резко возросла. В 40 бывших районах Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев в среднем в 1933 г. по сравнению с 1927—1932 и 1934—1935 гг. она повысилась в 3,4 раза. Такой скачок мог быть вызван лишь одной причиной — голодом.

Известно, что в голодающих районах из-за отсутствия нормальной пищи люди вынуждены были питаться суррогатами и это приводило к росту смертности от болезней органов пищеварения. Актовые книги за 1933 г. показывают резкое ее увеличение (в 2,5 раза). В графе «причина смерти» появились записи: «от кровавого поноса», «от геморройного кровотечения вследствие употребления суррогата», «от отравления затирухой», «от отравления суррогатным хлебом». Значительно увеличилась смертность и в связи с такими причинами, как «воспаление кишечника», «желудочная боль», «болезнь живота» и т. д.

Другим фактором, вызвавшим рост смертности в 1933 г. в данном районе Поволжья, стали инфекционные болезни: тиф, дизентерия, малярия и др. Записи в актовых книгах позволяют говорить о возникновении здесь очагов эпидемий тифа и малярии. В с. Кожевино (Нижне-Волжского края) в 1933 г. из 228 умерших 81 умер от тифа и 125 — от малярии, О масштабах трагедии села говорят следующие цифры: в 1931 г. там умерло от тифа и малярии 20 человек, в 1932 г. — 23, а в 1933 г. — свыше 200 [2]. Острые инфекционные (тиф, дизентерия) и массовые инвазионные (малярия) заболевания всегда сопутствуют голоду.

В актовых книгах обозначены и другие причины смерти населения в 1933 г., отсутствовавшие в прошлом, а теперь определявшие рост смертности и прямо указывающие на голод: многие крестьяне умерли «от голода», «от голодовки», «от бесхлебия», «от истощения организма на почве голодания», «с недоедания хлеба», «от голодной смерти», «от голодных отеков», «от полного истощения организма на почве недостаточного питания» и т. д. В с. Алексеевка из 161 умершего 101 погиб от голода [3].

Из 61 861 акта о смерти, имеющегося в просмотренных актовых книгах, голод в качестве непосредственной ее причины отмечают лишь 3043 акта на территории 22 из 40 обследованных районов. Это, однако, не означает, что в остальных районах в 1933 г. никто не умер от голода, напротив, и здесь резкий скачок смертности свидетельствует об обратном. Несоответствие записи в актах о смерти и реальной ее причины объясняется тем, что на работу органов ЗАГС в голодающих районах влияла общая политическая обстановка в стране. Устами Сталина на всю страну и на весь мир заявлялось, что в 1933 г. «колхозники забыли о разорении и голоде» и поднялись «на положение людей обеспеченных» [4].

В этих условиях большинство работников загсов, регистрировавших смерти, просто не вписывали запретное слово «голод» в соответствующую графу. О том, что оно было недопустимым, свидетельствует распоряжение ОГПУ г. Энгельса городскому загсу о запрещении в 1932—1933 гг. фиксировать диагноз «умер

от голода». Обосновывалось это тем, что «контрреволюционные элементы», якобы засорявшие статистический аппарат, «пытались всякий случай смерти мотивировать голодом, в целях сгущения красок, необходимого для определенных антисоветских кругов» [5]. Работники загсов при регистрации умерших от голода были вынуждены подменять причину смерти. По Сергиевскому сельсовету в 1933 г. 120 из 130 умерших были зарегистрированы умершими «по неизвестным причинам». Если учесть, что в 1932 г. там умерло всего 24 человека и причины их смерти были в актовых книгах точно определены, а на следующий год смертность возросла более чем в 5 раз, то напрашивается вывод о наступлении сильного голода, жертвами которого стали умершие по «неизвестным причинам» [6].

Факт наступления голода в 1932—1933 гг. в исследуемых районах подтверждается и таким демографическим показателем, всегда свидетельствующим о голоде, как падение рождаемости. В 1933—1934 гг. рождаемость здесь существенно упала по сравнению с ближайшими предыдущими годами. Если в 1927 г. на территории Первомайского сельсовета было зарегистрировано 148 рождений, в 1928 г. — 114, в 1929 г. — 108, в 1930 г. — 77, в 1931 г. — 92, в 1932 г. — 75, то в 1933 г. всего 19, а в 1934 г. — 7 рождений [7].

В Новобураском, Энгельском, Ровенском, Красноармейском, Марксовском, Дергачевском, Озинском, Духовницком, Петровском, Балтайском, Базарно-Карабулакском, Лысогорском, Ершовском, Ртищевском, Аркадакском, Турковском, Романовском, Федоровском, Аткарском, Самойловском районах Саратовской обл. и в Камешкирском, Кондольском, Някольском, Городищенском и Лопатинском районах Пензенской обл. в 1933—1934 гг. рождаемость упала в 3,3 раза по сравнению с ее средним уровнем за 1929—1932 годы. Причинами этого явления были высокая смертность во время голода потенциальных родителей; отток взрослого населения, уменьшивший число потенциальных родителей; снижение у взрослого населения способности к воспроизводству потомства вследствие физического ослабления организма в результате голодания.

Повлиявшая на уровень рождаемости в 1933—1934 гг. повышенная смертность в 1933 г. такой категории потенциальных родителей, как молодежь, подтверждается значительным уменьшением в те годы в сельской местности числа зарегистрированных браков. Например, число браков, зарегистрированных в 1927—1929 гг. в Петровском, Аткарском, Ровенском, Калининском, Марксовском, Балашовском, Ершовском, Турковском, Аркадакском районах Саратовской обл. уменьшилось в среднем в 2,5 раза.

Эпицентр голода, характеризующийся наивысшим уровнем смертности и самой низкой рождаемостью, находился, видимо, на территории Саратовской обл., на Правобережье и в левобережных кантонах Автономной республики Немцев Поволжья. В 1933 г. уровень смертности сельского населения на Правобережье по сравнению со средним уровнем смертности в 1927—1932 и 1934—1935 гг. увеличился в 4,5 раза, на Левобережье — в 2,6 раза, на территории исследованных районов НП АССР — в 4,1 раза. Рождаемость в 1933—1934 гг. по сравнению с ее средним уровнем в 1929—1932 гг. упала на Правобережье в 4 раза, на Левобережье — в 3,8 раза, в районах НП АССР — в 7,2 раза. В результате голода были существенно подорваны жизненные силы поволжской деревни. Об этом свидетельствует резкое падение рождаемости во многих саратовских и пензенских деревнях: судя по записям в актовых книгах, во многих деревнях уже не игралось столько свадеб и не рождалось столько детей, сколько в предшествующие коллективизации и голоду годы.

Голод 1932—1933 гг. оставил глубокий след в народной памяти. «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу», — вспоминали старожилы саратовских и пензенских деревень частушку, в которой отразилась народная оценка этой трагедии. В ходе анкетного опроса 99,9% подтвердили наличие голода в 1932—1933 гг., подтверждают и то, что он был слабее голода 1921—1922 гг., но сильнее голода 1946—1947 годов. Во многих районах масштабы голода были очень велики. Такие деревни, как Ивлевка Аткарского района, Старые Гривки Турковского района, колхоз им. Свердлова Федоровского кантона НП АССР, почти полностью вымерли. «В войну не погибло столько в этих деревнях, сколько погибло во время голода», — вспоминали очевидцы.

Во многих деревнях были общие могилы (ямы), в которых, нередко без гробов, иногда целыми семьями хоронили умерших от голода. У 80 из более 300 опрошенных во время голода умерли близкие родственники. Очевидцами были засвидетельствованы факты людоедства в таких селах, как Симоновка, Новая Ивановка Баландинского района, Ивлевка — Аткарского, Залетовка — Петровского, Огаревка, Новые Бурасы — Новобурасского, Ново-Репное — Ершовского, Калмантай — Вольского районов, Шумейка — Энгельского и Семеновка — Федоровского кантонов НП АССР, Козловка — Лопатинского района.

Американский историк Р. Конквест высказал суждение, что на Волге голод разразился «в районах, частично населенных русскими и украинцами, но больше всего поражены были им немецкие поселения». На этом основании он делает вывод, что НП АССР, «видимо, и была главной мишенью террора голодом» [8].

Действительно, в 1933 г. уровень смертности сельского населения в исследованных районах этой республики был очень высоким, а рождаемость в этом и последующих годах резко упала. О сильном голоде, фактах массовой смертности населения сообщала в специальном письме Сталину бригада писателей во главе с Б. Пильняком, вероятно, побывавшая там в 1933 году [9]. В голодающих кантонах были зафиксированы факты людоедства [10]. Воспоминания о голоде как немцев, так и представителей других национальностей, проживавших в то время на территории республики, говорят о массовом голоде, наступившем там в 1932—1933 годах.

Сравнительный анализ анкетных данных, полученных в результате опроса свидетелей голода в мордовском с. Осановка Балтайского р-на, мордовско-чувашском с. Еремкино Хвалынского р-на, чувашском с. Калмантай Вольского р-на, татарском с. Осиновый Гай и литовском с. Черная Падина Ершовского р-на, в украинских селах Шумейка Энгельсского и Семеновка Федоровского кантонов и в 40 русских селах, показал, что острота голода была очень сильна не только в районах НП АССР, но и во многих саратовских и пензенских деревнях, расположенных вне ее границ.

«Что это было: организованный голод или засуха?», — этот вопрос прозвучал в письме в редакцию журнала «Вопросы истории» А. А. Орловой [11]. Наступление голода в Поволжье, в том числе в исследуемых районах, обычно (в 1921 и 1946 гг.) было связано с засухами и недородами. Засуха здесь явление закономерное. 75% опрошенных отрицали наличие сильной засухи в 1932—1933 гг.; остальные указали, что засуха была в 1931 и 1932 гг., но не такая сильная, как в 1921 и 1946 гг., когда привела к недороду и голоду. Специальная литература в основном подтверждает оценку климатических условий 1931—1933 гг., данную свидетелями голода. В публикациях на эту тему при перечислении длинного ряда засушливых лет в Поволжье 1932 и 1933 гг. выпадают. Засуху, среднюю по принятой классификации и более слабую, чем засухи 1921, 1924, 1927, 1946 гг., ученые отмечают только в 1931 году. Весна и лето 1932 г. были обычными для Поволжья: жаркими, местами с суховеями, не идеальными для посевов, особенно в Заволжье, но в целом погода оценивается специалистами как благоприятная для урожая всех полевых культур [12]. Погода, конечно, влияла на снижение урожайности зерновых, но массового недорода в 1932 г. не было.

Опрошенные старожилы саратовских и пензенских деревень засвидетельствовали, что, несмотря на все издержки коллективизации (раскулачивание, лишившее деревню тысяч опытных хлеборобов; резкое сокращение численности скота в результате его массового убоя и т. д.), в 1932 г. все же удалось вырастить урожай, вполне достаточный, чтобы прокормить население и не допустить массового голода. «Хлеб в деревне в 1932 г. был», — вспоминали они. В 1932 г. валовой сбор зерновых культур по всем секторам сельского хозяйства в Нижне-Волжском крае составил 32 388,9 тыс. ц, лишь на 11,6% меньше, чем в 1929 г.; в Средне-Волжском крае — 45 331,4 тыс. ц, даже на 7,5% больше, чем в 1929 году [13]. В целом урожай 1932 г. был средним за последние годы. Его было вполне достаточно, чтобы не только не допустить массового голода, но и определенную часть сдать государству.

Коллективизация, существенно ухудшившая материальное положение крестьянства и приведшая к общему упадку сельского хозяйства, однако массового голода в данном районе Поволжья не вызвала. В 1932—1933 гг. он наступил не вследствие засухи и недорода, как это было прежде в Поволжье, и не из-за сплошной коллективизации, а в результате принудительных сталинских хлебозаготовок. Это был первый в истории поволжской деревни искусственно организованный голод.

Лишь 5 из более чем 300 опрошенных очевидцев событий 1932—1933 гг. не признавали связи хлебозаготовок с наступлением голода. Остальные либо назвали их в качестве главной причины трагедии, либо не отрицали их негативного влияния на продовольственное положение деревни. «Голод был потому, что хлеб сдали», «весь, до зерна, под метелку государству вывезли», «хлебозаготовками нас мучили», «продразверстка была, весь хлеб отняли», — говорили крестьяне.

К началу 1932 г. деревня была ослаблена коллективизацией, хлебозаготовками 1931 г., не совсем благоприятными погодными условиями прошедшего года, вызвавшими в некоторых районах недород. Многие крестьяне уже тогда голодали. Очень тяжело проходили основные сельскохозяйственные работы. Начался интенсивный уход крестьян в города, другие районы страны, напоминавший бегство. И в этой ситуации руководство страны, которому было известно о положении в Поволжье, утвердило в 1932 г. явно завышенные планы хлебозаготовок для Нижней и Средней Волги. При этом не учитывались трудности организационно-хозяйственного становления только что созданных колхозов, о чем красноречиво свидетельствовали массовые протесты председателей колхозов и сельсоветов, районных партийных и советских органов, направляемые краевому руководству.

Несмотря на энергичные усилия партийно-хозяйственного руководства, практиковавшего в сентябре — ноябре

снятие с работы и исключение из партии руководителей районов, «срывавших план»; занесение на «черные доски» не выполняющих план колхозов, населенных пунктов, районов; объявление им экономического бойкота и другие меры, планы хлебозаготовок не выполнялись [14]. Ситуация изменилась в декабре 1932 г., когда в регион по указанию Сталина прибыла комиссия ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок во главе с секретарем ЦК партии П. П. Постышевым. Думается, что оценка работы этой комиссии и ее председателя, которая имеется в литературе [15], требует уточнения, если не пересмотра.

Комиссия и лично Постышев (так же как В. М. Молотов, побывавший на Украине, и Л. М. Каганович — на Украине и Северном Кавказе) несут ответственность за искусственно организованный голод в рассматриваемом районе Поволжья. Именно под давлением комиссии ЦК ВКП(б) (в ее состав кроме Постышева входили Зыков, Гольдин и Шкляр) местное руководство, опасаясь репрессий за срыв хлебозаготовок, чтобы выполнить план, пошло на изъятие хлеба, заработанного колхозниками на трудодни и имевшегося у единоличников. Это в конечном итоге и привело к массовому голоду в деревне [16].

О методах работы Постышева и его комиссии, требовавших любой ценой выполнить план хлебозаготовок, говорят следующие факты. Только в декабре 1932 г. за невыполнение плана хлебозаготовок решениями бюро Нижне-Волжского крайкома партии, на заседаниях которого присутствовали члены комиссии ЦК и сам Постышев, были сняты с работы 9 секретарей райкомов и 3 председателя райисполкомов [17]; многих впоследствии исключили из партии и отдали под суд. Во время совещаний с местным партийно-хозяйственным активом по вопросам хлебозаготовок (об этом рассказали участники таких совещаний в г. Балашове И. А. Никулин и П. М. Тырин) прямо в зале, где проходили эти заседания, по указанию Постышева, за невыполнение плана хлебозаготовок снимали с работы секретарей райкомов партии и работники ОГПУ арестовывали председателей колхозов. На словах, в печати Постышев выступал против изъятия хлеба у выполнивших план колхозов, против нарушения законности во время проведения хлебозаготовок, на деле же занимал жесткую позицию, которая толкала местное руководство на противозаконные меры в отношении тех, кто не выполнял план.

В конце декабря 1932 — начале января 1933 г. началась настоящая война против колхозов и единоличных хозяйств, не выполнявших план. В решении бюро Нижне-Волжского крайкома партии от 3 января указывалось: «Крайком и крайисполком требуют от райисполкомов и райкомов районов, сорвавших план, безусловного выполнения плана хлебозаготовок к 5 января, не останавливаясь перед дополнительными заготовками в колхозах, выполнивших план, допуская частичный возврат от колхозников авансов» [18]. Районным советским органам было разрешено начать проверку «расхищенного хлеба» колхозниками и единоличниками [19].

О том, каким образом в саратовских и пензенских деревнях выполнялись данные директивы, говорят многочисленные свидетельства очевидцев. У крестьян отбирали хлеб, заработанный на трудодни, в том числе и оставшийся с прошлых лет; хлеб на трудодни не выдавали; вывозили семенной хлеб. Нередко в ходе хлебозаготовок к крестьянам применялось насилие. В с. Боцманово Турковского района уполномоченный по хлебозаготовкам из Балашова Шевченко, чтобы «выбить» хлеб, посадил в амбар под замок почти все село (свидетельствует М. Е. Дубровин, проживающий в рабочем поселке Турки Саратовской обл.). «Приходили, хлеб силком забирали и увозили», «дали, а потом отобрали», «ходили по домам, забирали хлеб и картошку; тех, кто противился, сажали на ночь в амбар», «из печки [хлеб] вытаскивали», — вспоминали старожилы саратовских и пензенских деревень.

Чтобы выполнить план, хлеб вывозили не только на лошадях, но и на коровах. Председателю Студено-Ивановского колхоза Турковского района М. А. Горюнову (проживает в Турках) уполномоченный по хлебозаготовкам приказал выделить колхозных лошадей для оказания помощи соседнему колхозу в вывозе хлеба. Лошади сделали два рейса, прошли свыше 100 км; посылать их в третий рейс председатель не соглашался: «Угробим лошадей!» Его заставили подчиниться, и вскоре 24 лошади пали. Председателя отдали под суд за то, что он отказался признать виновными в гибели лошадей колхозных конюхов (мол, плохо кормили), как ему советовал уполномоченный. Применялось насилие и при выполнении плана засыпки семян в общественные амбары. Местные активисты нередко ходили по дворам и искали хлеб; все, что находили, отбирали.

Организаторы заготовок объясняли крестьянам, что хлеб пойдет рабочему классу и Красной Армии, но в деревне ходили упорные слухи, что на самом деле хлеб отбирают для того, чтобы вывезти его за границу. Именно тогда в деревне появились невеселые частушки, поговорки: «Рожь, пшеницу отправили за границу, а цыганку-лебеду — колхозникам на еду», «Дранку, барду, кукурузу — Советскому Союзу, а рожь, пшеницу отправили за границу», «Наша горелка хлебородная — хлеб отдала, сама голодная». Хлебозаготовки и наступивший голод многие крестьяне связывали с именами Сталина и Калинина. «В 1932 году Сталин сделал засып, поэтому и наступил голод», — говорили в деревнях. В частушках, за пение которых грозило тюремное

заклучение, звучали слова: «Когда Ленин был жив, нас кормили. Когда Сталин поступил, нас голодом морили».

В 1933 г. в поволжской деревне ходили слухи, что проводится «сталинская выкачка золота»: голодовка сделана для того, чтобы через магазины Торгсина за бесценок, в обмен на продукты питания отобрать у населения золото, серебро, другие ценности. Организацию голода с помощью хлебозаготовок крестьяне объясняли стремлением Калинина наказать их за нежелание добросовестно работать в колхозах, приучить крестьян к колхозам. В саратовских и пензенских деревнях в 1933 г. шла молва, что подобно известному дрессировщику Дурову, который голодом приучал животных к повиновению, Калинин решил голодом приучить крестьян к колхозам: перенесут голод, значит, привыкнут к колхозам, будут лучше работать и ценить колхозную жизнь.

В ходе хлебозаготовок 1932 г., обрекавших деревню на голод, открытого массового сопротивления крестьян не было. Большинство опрошенных объясняло это страхом перед властью и верой в то, что государство окажет помощь деревне. И все-таки исключения встречались. В дер. Красный Ключ Ртищевского р-на, свидетельствует С. Н. Федотов (проживает в г. Ртищево Саратовской обл.), узнав о решении вывезти семенной хлеб, у амбара, где он хранился, собралась почти вся деревня; крестьяне сорвали замок и зерно разделили между собой. В с. Потьма того же района (рассказал проживающий в г. Ртищево И. Т. Артюшин) произошло массовое выступление крестьян, которое было подавлено милицией.

Основными формами протеста крестьян против принудительных хлебозаготовок стали скрытые действия: нападения на «красные обозы», вывозившие хлеб из деревень, воровство хлеба с этих обозов, разборка мостов. Отдельные крестьяне открыто высказывали организаторам хлебозаготовок недовольство; к ним применялись репрессивные меры (свидетельства М. А. Федотова из рабочего поселка Новые Бурасы, С. М. Берденкова из дер. Трубечино, Турковского р-на, А. Г. Семикина из рабочего поселка Турки Саратовской обл.).

Таким образом, данные архивных документов и опросы очевидцев событий свидетельствуют: принудительные хлебозаготовки 1932 г. оставили поволжскую деревню без хлеба и стали главной причиной трагедии, которая разыгралась там в 1933 году. Вызванный проведенными с нарушением закона и морали хлебозаготовками массовый голод, унесший десятки тысяч крестьянских жизней и подорвавший здоровье оставшихся в живых, является одним из тяжчайших преступлений сталинщины, ее организованной антигуманной акцией.

Виктор Кондрашин

Опубликовано в журнале «Вопросы истории», № 6, 1991. - С. 176-181.

Примечания

1. См., напр., ЗЕЛЕНИН И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. — История СССР, 1989, № 2, с. 16—17; Проблемы устной истории в СССР (тезисы научной конференции 28—29 ноября 1989 г. в г. Кирове). Киров. 1990, с. 18—22.
2. Архив ЗАГС Петровского райисполкома Саратовской области, актовые книги о смерти по Кожевинскому сельсовету за 1931—1933 годы.
3. Архив ЗАГС Новобурасского райисполкома Саратовской области, актовая книга о смерти по Ново-Алексеевскому сельсовету за 1933 год.
4. Ленин и Сталин о труде. М. 1941, с. 547, 548, 554, 555.
5. Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР, ф. 8040, оп. 8, д. 5, лл. 479, 486.
6. Архив ЗАГС Аркадакского райисполкома Саратовской области, актовые книги о смерти по Сергиевскому сельсовету за 1932—1933 годы.
7. Архив ЗАГС Ртищевского райисполкома Саратовской области, книги записей актов гражданского состояния о рождении по Первомайскому сельсовету за 1927—1934 годы.
8. КОНКВЕСТ Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон. 1988, с. 409, 410.
9. ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 8, д. 5, лл. 479-481, 483, 485, 486, 488.
10. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при-ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 112, оп. 34,

д. 19, л. 20.

11. Вопросы истории, 1988, № 12, с. 176—177.

12. Суховеи, их происхождение и борьба с ними. М. 1957, с. 33; Засухи в СССР, их происхождение, повторяемость и влияние на урожай. Л. 1958, с. 38,45,50,166—169; КАБАНОВ П. Г. Засухи в Саратовской области. Саратов. 1958, с. 2; Климат юго-востока Европейской части СССР. Саратов. 1961, с. 125; КАБАНОВ П. Г., КАСГРОВ В. Г. Засухи в Поволжье. В кн: Научные труды НИИ сельского хозяйства Юго-Востока. Вып. 31. [Саратов]. 1972, с. 137; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М. 1936, с. 270—271.

13. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935, с. 270—271.

14. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2550, лл. 29 об., 305; д. 3757, л. 161; д. 3767, л. 184; д. 3768, лл. 70, 92; д. 3781, л. 150; д. 3782, л. 11; Волжская коммуна, 12—14. XI. 1932; Поволжская правда, 15,29. X. 1932; Саратовский рабочий, 2.1. 1933; Борьба, 30. XI. 1932.

15. См. История СССР, 1989, № 2, с. 16—17.

16. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3769, л. 9; д. 3768, лл. 139,153.

17. Там же, д. 3768, лл. 118 об., 129,130 об., 148,153.

18. Там же, д. 3769, л. 9.

19. Там же, д. 3768, лл. 139,153.

Автор: Артур Скальский © Скепис ИСТОРИЯ, МИР 👁 3431 02.02.2006, 12:27 🏠 218

URL: <https://babr24.com/?ADE=27537> Bytes: 24782 / 24760 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)